

18+

Юлия Капунцова

Исповедь вампира

Юлия Капунцова
Исповедь вампира

«Издательские решения»

Капунцова Ю.

Исповедь вампира / Ю. Капунцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640154-9

Вы жаждете бессмертия? Даже если для этого придется стать вампиром? Но так ли притягательна на самом деле вечная жизнь? Вампирша Софья когда-то согласилась принять дар Бессмертия. Это история, рассказанная ею, воспоминание о жизни по эту и по ту сторону бытия, где перед нами открывается мир вампира, мир вхождения во Тьму.

ISBN 978-5-00-640154-9

© Капунцова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	13
Глава V	17
Глава VI	18
Глава VII	21
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Исповедь вампира

Юлия Капунцова

© Юлия Капунцова, 2024

ISBN 978-5-0064-0154-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога...
Н. Гумилев
Соблазненного дьяволом ждет только проклятие...
Н. Гумилев*

Вы жаждете бессмертия? Даже если для этого придется стать вампиром? О, прошу вас, не удивляйтесь! Это не розыгрыш и не насмешка. Тема вампиризма стала культовой во всем мире. С многих афиш кинотеатров на нас смотрят клыкастые физиономии, так называемых «детей Дракулы», каждый день появляются все новые и новые пародии на тему вампиризма. Как иногда забавно наблюдать за кривляньями размалеванных актеров, исполняющих роли безмозглых кровопийц, которых убивают осиновыми кольями brave герои вроде Блейда и Ван Хелсинга, сидя перед телеэкраном или в последнем ряду кинотеатра. Все эти фильмы однообразны. Море крови, глупые вампиры и храбрецы, убивающие их.

А между тем, все обстоит совсем иначе. Да-да, вы правильно поняли. Отчасти в этих бреднях есть доля правды. Она заключается в одной простой истине: **Бессмертие** – вовсе не выдумка безумного режиссера. Это вполне реальная вещь. Только доступна она, отнюдь, не каждому. А те избранные, кто владеет этим «даром», обречены на одиночество. Вы не верите? Что ж, это право каждого.

Но позвольте вас хотя бы немного убедить в правдивости моих слов. Я поведаю вам историю своей жизни и того, как стала бессмертной. И даже не для того, чтобы убедить вас, а скорее, чтобы просто заявить о себе. Возможно, кто-то из вас сочтет это все глупой ерундой и немедленно отложит эту рукопись подальше на полку, где она со временем покроется пылью. Право, поступайте, как знаете, я вас не корю. Этот век порождает столько скептических взглядов на жизнь, что люди без научного объяснения перестают верить даже в собственное отражение в зеркале. Но тем, кто решил-таки выслушать мою историю, я расскажу. Как переродилась и стала бессмертной; как увидела на балу ослепительного незнакомца в маске и испугалась его до смерти, он впоследствии и повлияет на мою судьбу; расскажу о том времени, когда я была еще живой, в полном смысле этого слова, и радовалась солнечному свету, как и все остальные живые существа. Но я забегаю вперед.

Хочется отметить, что в этом веке, таким, как я намного проще приспособиться к сосуществованию с людьми. Я имею в виду все те удобства, созданные мировой индустрией красоты, с помощью которых можно успешно замаскироваться и оставаться более или менее незаметным в толпе смертных. С глазами бывают небольшие неудобства – далеко не все затемненные очки и контактные линзы скрывают фосфорическое сияние наших глаз, да и согласитесь, выглядит довольно странным – ходить в тонированных солнечных очках вечером, когда единственным источником света является иллюминация города со всей ее системой фонарей, прожекторов. Но это несущественные трудности, с которыми все мы легко справляемся, прибегая к различным уловкам. Все это мелочи, не воспринимаемые на фоне наших способностей. А способности у нас поистине могущественные. Удивительно точное зрение, острый слух, умение читать мысли смертных и иногда даже других вампиров, удивительно быстрые движения, не подвластные человеческому глазу, невероятная физическая сила и способность летать. И чем старше вампир, тем сильнее его способности.

Кстати, тут же хочу разрушить общепринятый стереотип – не смотря ни на что, мы отражаемся в зеркале, как и все смертные. И в летучих мышей мы не превращаемся, это удел оборотней. А вот чеснок мы действительно не переносим, он может спровоцировать сильнейшую аллергическую реакцию у вампира. Но не буду вас утомлять деталями, в ходе повествования вы сами обо всем узнаете.

На данный момент я проживаю в одном замечательном городе – ***. Мне нравится этот старинный город, с его великолепными архитектурными твореньями, духом древности и героизма. Он очень удобен для меня. Здесь можно отыскать много «жертв» для охоты: уголовники, психопаты, мошенники, в общем, все те, кто не очень-то приносит пользу обществу. Я, своего рода, «санитар леса». По крайней мере, мне нравится так думать. Да и климат здесь довольно мягкий для меня. Я люблю прогуливаться по ночным улицам города, залитым электрическим светом, надвинув пониже элегантную шляпку или ультрамодную шапочку бини и наблюдать за суетливой жизнью людей. Мы любим *смертных*, какими бы они отвратительными не были, только за то, что они – *живые*. Ну что ж, начнем, пожалуй.

Для начала представлюсь – меня зовут Софья. Родилась в 18 веке 1739 года, за два года до становления на престол дочери Петра I Елизаветы Петровны, в предместье Петербурга в семье графа Николая Федоровича Волконского. Жили мы зажиточно и в нашем доме постоянно присутствовали в качестве гостей графы, бароны, князья со своими женами и детьми. Я получила прекрасное образование, знала несколько иностранных языков, обучалась музыке и живописи.

Я в семье была младшим ребенком. Средней была моя белокурая сестрица Мария, а помимо нас было два старших брата – Павел и Михаил. Мою мать звали Анна. Наполовину француженка, она обладала привлекательной внешностью и спокойным характером, и эта ее черта позволяла ей переносить наши с Марией ссоры, поводом к которым служила необъяснимая ненависть друг к другу. О да, ненависть!

Меня всегда раздражала эта кукла с золотистыми волосами и голубыми глазами своими выходками и капризами. Она слишком себя любила и требовала от остальных того же. Одного только ее голоса и ужимок хватало, чтобы разбудить во мне злобу. А она, в свою очередь, подтрунивала надо мной. «С такой смуглой кожей, как у тебя, невозможно появляться на балу». «Твои волосы просто ужасны, будто ты цыганка!». «Какие некрасивые у тебя глаза, они слишком темные, как у демона, когда ты вырастешь, у тебя не будет ни одного поклонника!». После таких небрежно брошенных замечаний, обычно следовали яростные пререкания. А потом я неслась к зеркалу и, с отчаянием исследуя свое отражение, думала: «Ну почему я не такая красивая, как она!?». Родители нас постоянно пристраивали и надеялись, что, повзрослев, мы полюбим друг друга. «Никогда в своей жизни я не полюблю эту глупую курицу!» – с гневом в звенящем детском голосе выкрикивала я, а в ответ следовало: «Никогда эта замарашка не сядет со мною даже в одну карету!». В итоге, мы получали оплеухи от кормилицы, но наша неприязнь друг к другу от этого только усиливалась. Мы с Марией были слишком разные.

С братьями дела обстояли гораздо проще. Они, конечно, тоже не выносили капризов Маши, но чью-либо сторону принимать отказывались. Однако, в общем-то, детство мое прошло прекрасно, если не считать вражды с ненавистной сестрицей.

Прошло время, я повзрослела. А вместе с тем и возросла моя ненависть к Марии. К этому моменту она преобразилась и стала еще красивей, но и моя красота расцвела, подобно цветку. Ей было двадцать лет, у нее были дивные длинные и густые светло-золотистого, практически белого оттенка, волосы, правильные черты лица, стройная фигура, бледная кожа (которая так

ценилась в то время), и большие голубые (и глупые, на мой взгляд) глаза с поволокой томности. Мария являла собой воплощение романтичной аристократической девушки, которых так любили мужчины. И у нее действительно было очень много кавалеров, преклонявшихся пред одной лишь красотой сестры.

Моя внешность была полностью противоположной. Мне было восемнадцать. Моя фигура не была идеальной, однако, я была гораздо изящнее Марии. У меня были волнистые длинные волосы темно-каштанового цвета, темные большие глаза, тонкие черты лица, изогнутые брови и несколько смуглая кожа. В красоте моей было что-то дерзкое, необузданное, в самом детстве я походила больше на крестьянку, нежели на аристократку. Если Мария напоминала нежный благоуханный цветок, то я, скорее, дикую розу с острыми шипами. При всем этом, моя внешность определенно была яркой. От неимения поклонников я совершенно не страдала.

Эти наши преобразования означали, что совсем скоро нас могли выдать замуж. Один претендент на руку Марии уже был – молодой офицер армии ее величества императрицы Елизаветы Петровны, Петр Сметин, вот только он медлил с предложением руки и сердца, что очень волновало Машу. Ну, а ко мне приноровился приезжать один очень молоденький и симпатичный сын адмирала – капитан Спиридов Иван Григорьевич. Он всячески пытался ко мне подступиться, хотя я никогда не выказывала ему должного уважения, и как только наша беседа подходила к намекам о его пристрастии ко мне, я обычно извинялась и ретировалась от него.

На дворе стояла весна со всей своей красотой нежной зелени и свежестью теплого ветерка. Петр Сметин отправлялся вместе с гвардией императрицы в военную кампанию. Шел 1757 год, и вот уже год как длилась война России и Пруссии. Марии оставалось лишь дожидаться его возвращения, после чего должна была состояться их свадьба. Маша сияла от счастья. А во мне росло желание чем-нибудь ей насолить. Я не могла видеть ее счастливой. Естественно, наши ссоры никогда не прекращались, нас даже пару раз разнимали в драке. И вот, в один из прекрасных вечеров я сидела у нас в саду вместе с белокурым Спиридовым и слушала нерешительные речи – в моем присутствии он всегда робел. Он напускал на себя глубокомысленный вид, а я смотрела на него, улыбалась, но мысли мои были далеко. Я думала, что ничем не смогу расстроить свадьбу сестры и, к сожалению, не отомщу ей за все обиды. *«Но должно быть что-то, что помешает ей выйти замуж!»* – думала я в тот миг. В отчаянии я кусала губы. Иван видимо обратился ко мне и я, не расслышав, что он спросил, попросила его повторить. Он радостно захолопал своими голубыми глазами и заговорил. И засмотревшись на него, я вдруг прозрела. Конечно! Вот оно! Я должна выйти замуж раньше Марии! План был хорош. Ведь, если младшая дочь выходила замуж раньше старшей, то со старшей, скорее всего, что-то неладное. И женихи начинают сторониться такую невесту. Да, я выйду замуж раньше, чем Петр придет из кампании. Но за кого.... Хотя.... Ведь Иван давно уже пытается подступиться ко мне. Но он так нерешителен. Однако, он симпатичен, молод, со временем я привыкну к нему, и возможно, даже полюблю! Конечно, я считала его слишком мягкотелым и вовсе не испытывала к нему никаких любовей, но мысль, что Мария посинеет от гнева, затмила мне разум.

Я поспешно перебила его:

– Иван, давайте поженимся? – эти слова прозвучали скорее как предложение, чем как вопрос. Иван запнулся и обескуражено посмотрел на меня, широко раскрыв свои красивые светло-голубые глаза. Наверное, с минуту он смотрел на меня, не в силах вымолвить и слова, и мне это молчание начало казаться вечностью. В душу закралась тревога, и я уже собралась было корить себя за такую оплошность. Но Иван пришел в себя. Его щеки слегка порозовели от возбуждения, и он немного растерянно начал говорить:

– О..., моя дорогая, вы, вы это серьезно? Право, не шутите так со мной...

Своей нерешительностью он меня разозлил, и я раздраженно воскликнула:

– Иван, вы думаете, я настолько дура, чтобы шутить так!

На его лице появился испуг:

– О нет! Нет, моя дорогая. Простите меня за мою грубость. Я... не знаю, что говорю...

Я наградила его свирепым взглядом и уже была готова уйти, но он, просияв от счастья, совсем как если бы он был девицей, только что получившей предложение руки и сердца, проговорил, возвысив голос:

– Душа моя! Я безумно счастлив! Я так ждал этого момента! Правда, я планировал его чуть иначе... Моя Сонечка... – он принялся целовать мою руку, а я думала, как мне уговорить отца сыграть свадьбу раньше, чем поженятся Петр и Мария. Отец не будет против – Иван из знатного рода Спиридовых, сын флотоводца и адмирала Григория Андреевича Спиридова. Этот союз принесет много выгоды. Но Мария, она будет настаивать, чтобы я вышла за Спиридова после ее свадьбы. Нет! Этому не бывать! Я устрою истерику, буду кричать, что умру, если не выйду замуж сейчас. А если они мне запретят, сделаю вид, что хочу наложить на себя руки. Пусть считают меня ненормальной, но Мария останется в старых девах!

Конечно, мое заявление повергло всех в шок, особенно Машу. Отец пытался проявить твердость ко мне и настаивал отложить свадьбу ровно на столько, чтобы Мария успела выйти замуж за своего Сметина, а та, в свою очередь, обливалась слезами и упрекала меня в безмерном эгоизме. Но я закатила такую дикую истерику, что отец, который всегда меня безмерно любил, разражаясь проклятиями, благословил меня.

Глава II

На нашу свадьбу было приглашено много известных вельмож. В тот день было чудесное утро первых дней апреля. Гости собирались возле *** собора, приезжая в своих экипажах. Все они были в ослепительных нарядах, в чудесных париках и великолепных головных уборах.

На мне было шикарное белое платье из парчи и атласа. Нижние юбки были из кринолина, что придавало платью пышность. Верхняя юбка была из ослепительной парчи, украшенной жемчужинами, и тянулась шлейфом по земле. Лиф платья был отделан атласом и расшит тончайшим кружевом. Мои волосы уложили в замысловатую прическу и старательно увенчаны жемчужной нитью и цветками белого жасмина.

Я была счастлива, невзирая на то, что мою грудь сдавливал теснейший корсет, не позволявший мне дышать. Я была готова ко всему на свете. И гордо вскинув голову, рука об руку с Иваном, не помнящим себя от счастья, я медленно шла к алтарю под тихие восхищенные шепоты гостей. Лишь краем глаза я видела искаженное гневом и обидой лицо старшей сестры и внутренне ликовала. Как ей сейчас плохо!

Мы остановились и священник начал свой обряд, а я широко улыбалась и сияла от счастья. Конечно, вовсе не от любви к этому дуралею. Я думала о Марии и была готова плясать на месте, схватив все юбки в руки, от одной лишь мысли, что она проклинает меня от злости. Иван посмотрел на меня взглядом, полным любви, и надел мне на палец кольцо с огромным бриллиантом. И пусть я буду жалеть потом об этом, думала я, зато сейчас счастлива! О да, моя месть свершилась!

Вот так я умудрилась в восемнадцать лет выйти замуж и стать Спиридовой. Конечно, я понимала, что после всех венчальных обрядов следовала брачная ночь, но мой холодный расчетливый ум продумал и этот нюанс. Во время пиршества, я танцевала пуще всех, а когда за мной пришли две служанки и увели в брачную комнату, чтобы подготовить меня к ответственному моменту, я терпеливо сносила все, что они со мной делали. А они натирали мое тело душистыми маслами и сетовали на мою смуглую кожу (в то время все дамы стремились иметь белую кожу и использовали много пудры, панически избегая солнца и загара). Закончив все обряды, они пожелали мне «медовой ночи» и поспешно удалились. Я сидела на кровати и задыхалась от ярости. Спать сегодня с Иваном мне вовсе не хотелось. Не бывать этому! Я легла на кровать и закрыла глаза. Я буду спать, он не посмеет меня разбудить!

Через некоторое время в комнату вошел Иван. Я прямо чувствовала его нерешительность и растерянность. Он потоптался возле двери, а потом тихо подошел к кровати и, присев на край, молча, посмотрел на меня. Я почувствовала, как он осторожно убрал с моего лица локон выбившихся волос и, наклонившись, поцеловал меня в висок. Наверное, он подумал, что я так устала, что заснула, не дождавшись его. Как бы в подтверждение моих мыслей, он поднялся и вышел из комнаты, осторожно прикрывая за собой дверь. Так двадцатилетний Иван Спиридов провел свою первую брачную ночь.

Надо ли говорить, но моя свадьба перебила Марии все карты – Сметин узнал, что я вышла за Спиридова, и поспешил ретироваться, сочтя, что его пытались «надуть» с Марией. Что ж, мой план сработал. Подло? Да. Но я вовсе не жалею об этом. Ну, а с Иваном мне было легко. Он обладал достаточно мягким характером, поэтому я делала все, что пожелала. А брачная ночь так и не состоялась. Он не настаивал, а мне было вполне хорошо и без этого. Конечно, я понимала, что оттягивать этот момент вечно не удастся, но мягкий характер Ивана был мне на руку. В конце концов, консумация нашего брака состоялась спустя некоторое время. Я была вынуждена признать, что зря так долго противилась этому. Иван удивил меня своим умением и горячностью. Несмотря на спокойный нрав, он оказался довольно опытным и чутким любовником.

Иван был капитаном на одном из кораблей императорского флота, поэтому считался приближенным императрицы, а из этого следовало, что он должен появляться на всех балах ее величества. Я помню, как собиралась на первый в своей жизни королевский бал – до этого я не имела возможности туда попасть, моя семья не была из круга придворных.

При императрице Елизавете Петровне был строгий дресс-код для празднеств: прически, одеяния, украшения – все строжайшим образом было заранее прописано. К примеру, дамам должно было выглядеть богато, согласно своду правил, но не слишком роскошно, чтобы не затмевать саму императрицу, Елизавета Петровна любила блистать и выгодно выделяться из всех. Мои служанки основательно потрудились. На мне было надето великолепное платье темно-фиолетового цвета, волосы были завиты по моде и собраны наверх. Я была довольна собой. Помню, как шла под руку с Иваном по блестящему паркетному полу, в огромном зале было полно людей в шикарных одеждах, повсюду горели тысячи свечей, заставляя щурить глаза. Дамы и кавалеры почтительно улыбались мне. А я, скользя по ним взглядом, думала: «Змеи, ну и компания!». Кажется, как в тумане видела я величественное, надменное лицо императрицы, властно восседавшей на троне. Это была дама уже в возрасте, полного телосложения, слегка тяжеловатым лицом, короткой шеей, покатыми плечами и пухлыми руками, пальцы которых были унизаны драгоценными перстнями, красивом напудренном парике из белых волос, собранных наверх и украшенных жемчугом. На лице было наложено немало грима: сильно припудренный лоб и щеки, от чего они стали белыми, подкрашенные брови и нарумяненные щеки. Над тонкими, плотно сжатыми губами красовалась мушка, пришедшая в моду из Парижа. На императрице было надето шикарное бледно-голубое платье из атласа и парчи, через одно плечо шла темно-голубая перевязь в виде атласной ленты, украшенной бриллиантами. Увидев нас с Иваном, Елизавета Петровна слегка улыбнулась и произнесла:

– Добро пожаловать в Зимний дворец, моя дорогая!

Среди придворных мелькал и племянник императрицы – Карл Петр Ульрих, нареченный Петром III. Всем было известно о его дурной репутации: упрямый, своенравный, несдержанный – он не имел уважения даже у императрицы. Некоторые поговаривали о том, что он совершенно безумен. Я поклонилась настолько низко, насколько смогла и растерянно ухватилась за руку Ивана, когда почувствовала, что ноги подкашиваются.

– Не волнуйтесь, моя красавица, вы понравились ее величеству, – шепнул мне Иван, когда мы отходили от трона и сливались с толпой придворных.

Когда начались танцы и кавалеры сменяли один другого, я ужасно боялась, что Петр III подойдет ко мне и пригласит на танец; внутренне я его побаивалась. У Петра III на тот момент уже была законная жена – Аталът-Цербетская принцесса София Августа Фредерика, нареченная Екатериной Алексеевной (позже она станет Екатериной II) и сейчас он был увлечен танцем с нею.

Вот так балы стали привычной для меня забавой. А помимо них было еще масса развлечений: охота в Оренбургских лесах, театральные пьесы, пышные ужины. Елизавета Петровна, в силу своей веселости и общительности любила празднества. И она, и ее свита. Так же она любила гвардейские парады, была особо любима гвардиями, где ее величали «матушкой». С Петром III отношения не складывались: императрица недолюбливала племянника и держала его в стороне от жизни двора и государственных дел. Упрямый и недалекий, Петр стремился во всем противиться «большому двору» и его людям. Все, что нравилось «большому двору», незамедлительно отвергалось его собственным «малым». Но не стану вдаваться в подробности жизни императорской семьи, ибо я хочу рассказать историю своей жизни, а не время правления Елизаветы, дочери Петра I Великого.

Глава III

Так пролетели два года моей жизни. Должна признаться, мне безумно нравилось все это. Я втянулась в «жизнь при императрице», но к придворным с их коварством и интригами я относилась с недоверием. Всем было известно, что придворные жалуют только тех, кто в милости у ее величества, а стоило впасть в немилость, как от тебя все отворачивались, над тобой посмеивались, подтрунивали. Всех этих лицемеров я презирала, но мне было весело с ними, поэтому своих чувств к ним особенно не выказывала.

С Иваном все обстояло очень просто. Он никогда не смел мне возражать, так как, почти боготворил мою персону. Он по-прежнему находился на службе у императрицы (как я уже говорила, Иван был капитаном одного из военных кораблей) и был у ее величества на хорошем счету, правда в основном за счет имени своего отца – адмирала Григория Андреевича Спиридова. Иван панически боялся оказаться в немилости у государыни и совершал множество поступков с налетом героизма, дабы Елизавета не забывала о его полезности. Иван слепо любил императрицу. Но еще сильнее он любил меня.

Несмотря на то, что к тому моменту мы с Иваном жили уже второй год, большой любви к нему я не испытывала. Но винить в этом я никого не могла, ведь, фактически, я сама женила его на себе. Своего мягкого мужа я воспринимала как компаньона, не более. И проблема была не так в Иване, как во мне самой. Его простота была мне на руку, но мне хотелось, чтобы он хотя бы иногда проявлял жесткость, так сказать, мужской характер. А он боялся мне перечить, ну, или просто не хотел. А вот чего-чего, а наследника он безумно хотел, в то время как я даже не думала об этом. Мне хотелось веселиться.

В целом моя жизнь протекала беззаботно. Можно сказать, меня совсем избаловали в конец, и я стала все реже и реже «заглядывать» к своим родным в именное поместье вблизи Петербурга. Тогда у меня были другие заботы. А сводились примерно к одному: какое платье надеть, какие украшения к нему подобрать и все в таком же духе. Но, как известно, все хорошее когда-то кончается. В моей жизни свершался переворот, к которому я была совершенно не готова.

Глава IV

Императрица посылала флотилию кораблей в военный рейд с прусским флотом. Капитаном одного из кораблей был мой Иван.

Наступил последний день перед отплытием. Было раннее утро. В доме царила суета. Слуги собирали вещи, лакеи хлопотали с сундуками, подготавливая хозяина к предстоящему отплытию.

Иван стоял возле зеркала и придирчиво разглядывал свой темно-алый бархатный камзол и кружевные белоснежные манжеты рубашки. Лицо его было преисполнено величия. Я сидела рядом, на широкой кровати, и наблюдала за его приготовлениями. С самого раннего утра я чувствовала недомогание; у меня кружилась голова, во рту был привкус горечи; поэтому и выглядела я тогда неважно. Иван счел эти симптомы проявлением волнения. А я и впрямь волновалась за него.

– Ваня, прошу вас, откажитесь под каким-нибудь предлогом от этой миссии. Не покидайте меня, Вы же видите, в каком я состоянии, – произнесла я, рассматривая, как он повязывает перевязь поверх камзола и вставляет свою шпагу в ножны.

– Моя дорогая, Софья, не стоит так волноваться, – пробормотал Иван, не отводя взгляда от зеркала, – вам просто немного дурно.

– Нет. Вовсе не это. Я не хочу, чтобы вы покидали меня. . . . – я сама до конца не сознавала, почему не хочу его отпускать от себя.

Иван обернулся и, пристально посмотрев на мое побледневшее лицо, присел на одно колено подле меня, и, взяв мои руки, начал целовать их:

– О, моя душа, вы не представляете, как мне трудно оставлять вас здесь совсем одну. Но ее величество поручила мне важную миссию, и если я выполню ее, то получу от императрицы жезл и флаг нашего флота. Я стану капитаном второго ранга! – светлые брови Ивана поползли вверх, придавая кукольно-красивому лицу выражение почти детской радости. Но тут его лицо стало серьезным и он, поднявшись, резко одернул кружевное жабо-воротник и проговорил – Ну довольно. Мне не положено нервничать. – Я привезу вам какой-нибудь трофей из Крондштатского рейда. – Он наклонился, поцеловал меня и вышел из комнаты.

– Привезите лучше себя. . . . – выдохнула я и прилегла на кровать.

После полудня Иван уехал, а мне сделалось намного хуже – спазмы в животе и приступы тошноты. Признаки серьезного отравления. Вечером ко мне пожаловал доктор Анатолий Гуськов, он внимательно осмотрел меня и сообщил весть. «Поздравляю, голубушка, вы ждете ребенка. Срок примерно три месяца». Для меня это было полной неожиданностью, и я почувствовала себя еще более подавленной, чем была. Гуськов прописал мне пить какие-то травы и обязался отныне заходить каждый день и проверять, как я себя чувствую. В доме в тот вечер царил радостное оживление. Хозяйка ждет малютку! Правда, радовались в основном слуги. Мне было в тот момент нехорошо, и к тому же я немного злилась на Ивана за то, что оставляет меня одну в таком положении. Это несправедливо! И почему рожать детей положено женщинам. Я распекала сама себя, затем Анфиса, моя служанка, дала мне отвара из трав, выписанных Гуськовым, и только после этого моя боль утихла и я погрузилась в сон. Снился мне красивый белокурый Иван. Пару дней я была погружена в свои думки, а потом пришла в себя. До одного известия, свалившегося на меня через несколько дней.

В это утро я была полна сил и энергии. Настроение мое было приподнято, вокруг мелькали счастливые лица прислуги, лебезившей вокруг меня. Отовсюду только и сыпались заботливые вопросы: «Барыня желает чего-нибудь?», «Приготовить что-то особенное?», «Может, выйдете на воздух?», «Надобно откусать фруктов». В общем, я была в боевом духе. Да

и погода стояла отличная. Была ранняя осень, зелень уже начинала желтеть, но воздух все еще оставался теплым.

Отказавшись от своего любимого напитка, я позавтракала фруктами и, взяв с собой листок бумаги, чернила и перо, я пошла к себе в комнату и уселась у окна. Мне всегда нравилось рисовать, и я принялась делать наброски пером на бумаге какого-то пейзажа и довольно сильно увлеклась своим занятием.

Цоканье копыт по мостовой отвлекло мое внимание. Я выглянула в окно и увидела всадника, скакавшего во весь опор. Края его длинного серого плаща и соболиный мех на широкополой шляпе безжалостно трепал ветер. Всадник придержал узду, и лошадь остановилась. Я слегка привстала и наклонилась к окну, чтобы разглядеть гостя. Он легонько спрыгнул с лошади и зашагал по направлению к дверям. Я отбросила все листы и перо в сторону и, подобрав руками, тяжелые юбки платья, заспешила вниз по лестнице. Когда я спустилась в зал, в дверях стоял этот самый незнакомец.

– Госпожа... – начала – было, Анфиса, прикрывая за ним дверь, – к вам тут...

– Анфиса, принеси господину стакан воды и чего-нибудь перекусить. – Я жестом отправила Анфису на кухню.

Мужчина грациозно снял шляпу и поклонился мне. Я улыбнулась и, подойдя к нему, протянула ему руку, чтобы он ее поцеловал:

– Степан, я рада вас видеть. Но, должна признаться, вы ставите меня в неловкое положение – Ивана нет дома, про нас могут пустить нехорошие слухи! – шутливо проговорила я, когда он поцеловал мою протянутую руку.

– Ах, Софья, я к вам совсем не для этого пожаловал. – Проговорил Степан, переводя дыхание. – У меня *серьезная весть*.

– Говорите же! – не стерпела я.

Он сел на диван и принялся обмахиваться шляпой. Кудрявые русые волосы, немного прикрывающие уши, были взъерошены.

– Погодите, дайте дух перевести. Я скачал без остановок.

Я присела рядом с ним и пристально наблюдала за его покрасневшимся лицом. Со Степаном Игнатьевичем Лисицыным я познакомилась на одном из балов и сразу же подружилась с ним. Он был флигель-адъютантом у императрицы. Мне нравилось, как он шутит по любому поводу и кокетничает с дамами. Но сейчас его красивое молодое лицо было серьезным и даже напряженным. В глазах не было той искорки задора, которая присутствовала всегда. И это заставило меня задуматься.

Что могло произойти, если Степан Лисицын, юный Дон Жуан, не весел, как обычно?

– Степан, не томите... – поторопила его я.

– Ах... – он медленно отложил шляпу и как бы в нерешительности поднял на меня свои выразительные серые глаза, – Софья, меньше всего на свете мне не хотелось бы вас огорчить...

– Да говорите уже... – меня начала бить нервная дрожь.

Степан потербил края плаща и срывающимся голосом заговорил:

– Вчера вечером флагманский корабль вашего мужа попал в опалу к прусским кораблям.

У меня сжалось сердце, все остальное я слышала как будто издалека.

– Спиридов не смог отбить нападение. Их корабли потопили. Мы потеряли достаточно кораблей, но кровью отстояли Крондштат. Смеею заверить, что ваш муж погиб с честью за благое дело.

Я смотрела на Степана стеклянными глазами. В этот момент я почувствовала себя самой несчастной на Земле. Значит, мой муж мертв, а я жду от него ребенка. И вдруг, ребенок стал одновременно и подарком, и тяжелым бременем для меня.

Наверно, я должна была заплакать, но я этого не сделала. Лисицын в нерешительности придвинулся ко мне:

– Mon Dieu... На вас нет лица! Софи, вам плохо? Позвать врача?

– Нет, нет, – пробормотала я, – нет, нет...

– Императрица написала вам тут... – адъютант полез в карман плаща и вытянул аккуратный сверток бумаги, перевязанный черной лентой, – она соболезнует вам, дорогая. – Он протянул сверток мне. Мои пальцы машинально зажали его.

– Мне остаться с вами, Софья? – нерешительно спросил через некоторое время Степан.

– Нет, мне нужно побыть одной. – Пробормотала я, рассматривая скрученную в руках бумагу.

Лисицын галантно поцеловал мою руку и направился к выходу.

– Если вам нужна будет моя помощь, я сделаю все, что будет в моих силах. – С этими словами он надел шляпу и, поклонившись мне, бесшумно вышел из залы.

Я покрутила сверток в руках и швырнула его в сторону. Я была опустошена, бессильна и несчастна. Что будет теперь со мной? Теперь я вдова, ВДОВА! Подумать только! Значит, целый год я должна носить черное платье и фактически похоронить себя заживо. И этот ребенок. Он появится на свет без отца. Я упала на диван и уткнулась лицом в подушку. И вдруг, мне представился бедный Иван; как он сражался с вражескими кораблями, как погиб. Мой бедный Иван. Совсем недавно он был еще жив, улыбался, ласково, как всегда, смотрел на меня. Кукольно – красивый. Мне стало его жаль, совсем юного и по-детски наивного. Я начала плакать навзрыд. В таком состоянии я пролежала весь день.

Вечером пришел доктор Игнатий Власьевич Аркашин и пытался уговорить меня отвлечься от мрачных мыслей и подумать о ребенке, но я оставалась непреклонной.

Распорядившись, чтобы портные сшили для меня черное платье, я закрылась в своей комнате и пролежала на кровати всю ночь без сна. На следующий день все повторилось. В таком расположении духа я оставалась неделю. А потом начались визиты соболезнователей. Ко мне приезжал весь императорский двор, чтобы выразить сочувствие. Каждый день был посетитель. Старый и больной Михаил Михайлович Голицын – князь, генерал-адмирал; граф Румянцев Петр Александрович с женой Марией; князь Репнин Николай Васильевич с княгиней Репниной; брат княгини Репниной – Князь Курагин с женой; граф Шереметев, граф Александр Шувалов и еще бесчисленное число имен. Я начала уставать от этих визитов. Потом были грандиозные похороны, где собрался весь свет. После похорон поток соболезнующих не уменьшился.

Так продолжалось еще неделю, пока я не приняла решение собрать вещи и переехать к своим родителям в поместье Волконских. Дорога для меня была нелегкой, еще бы, в моем-то положении! Но мне помогала моя верная Анфиса, которую я взяла с собой. Эта темноволосая миловидная девушка, немного младше меня, нравилась мне, и я ей доверяла. Так же я взяла с собой моих двух фрейлин.

В поместье Волконских меня приняли, хотя и с радостью, но сразу начали выказывать знаки сочувствия и скорби по моему мужу. Мать сразу же бросилась мне на шею и начала всхлипывать едва я вышла из кареты, хотя чуть больше недели назад на похоронах мы уже виделись и все обсудили. Я довольно быстро ее отстранила, сославшись на то, слишком устала. Все в поместье были рады моему присутствию. Все, кроме Марии. Она по-прежнему была не замужем и превратилась в бледную и худую фурию со злобными глазами. За ужином отец упрекнул меня за то, что я стала реже заезжать к ним. Я ничего не ответила. Все старательно избегали темы Ивана, я и так всем своим видом напоминала черную тень.

– У меня будет ребенок. – Немного холодно произнесла я. Все просияли от счастья, а Мария сверкнула ядовитым взглядом в мою сторону.

– О, как замечательно, что ты приехала! Мы скоро будем нянчить малютку! – воскликнула моя старая полная кормилица Евдокия.

– Ты ведь не покинешь нас до рождения ребенка? – с тревогой в мелодичном голосе спросила моя мать.

– Нет, – я попыталась улыбнуться ей, – я останусь.

Мария недовольно фыркнула.

Глава V

Моя жизнь в поместье протекала в целом спокойно. Все относились ко мне трепетно и обходительно. Мария всем своим видом выказывала глубочайшее презрение ко мне, а я, в свою очередь, делала вид, что ее попросту не существует. С того момента, как я приехала в поместье, мы ни разу с ней не говорили. Но в один из прекрасных вечеров произошло неизбежное.

Я сидела в большом красивом зале и, подперев голову руками, смотрела в окно, наблюдая, как отец и один из братьев – Михаил занимаются фехтованием. Я смотрела на моего отца, красивого сильного мужчину с седеющими темными волосами и брата – такого же темноволосого молодого симпатичного парня, и мысли мои уносились в далекое детство. От воспоминаний меня отвлекла захлопнувшаяся дверь, а поскольку я была одна в комнате, то сразу поняла, что кто-то вошел. В зале стоял полумрак, так как, горели всего несколько свечей и я, напрягая зрение, начала всматриваться в темноту комнаты. Неровный свет свечей осветил высокую худую фигуру возле двери. Это была Мария. Неровное освещение делало ее лицо каким-то зловещим, глаза ее сверкали, как у голодной кошки, и были обращены на меня. Я смерила ее высокомерным взглядом и вновь отвернулась к окну.

– Ты сделала это назло мне... – прошипела Маша.

– Сделала что? – без особого выражения спросила я, не отводя взгляд от мелькавших в саду фигур отца и брата, то и дело скрещивающихся шпагами.

– Ты приехала сюда, чтобы окончательно испортить мне жизнь!

– О, Маша! Не лъсти себе! – усмехнулась я, повернувшись к ней. – О тебе я даже не думала.

Она быстро метнулась ко мне, но остановилась в нескольких шагах:

– Так зачем ты здесь? Что тебе еще нужно? Ты богата, у тебя будет ребенок, вот и осталась бы в Петербурге. Ходила бы там со своими фаворитами на балы к императрице! – голос Марии звучал почти угрожающе.

Я встала и подошла к Марии вплотную, она инстинктивно содрогнулась, а я плотно сжав губы, посмотрела ей в глаза:

– Я пойду на бал, когда сама того захочу, нечего мне указывать. – С этими словами я вышла из зала, громко захлопнув за собой дверь. И хотя внутри у меня клокотала ярость, я не дала ей выйти наружу. Но это было лишь начало.

Глава VI

Время в родных стенах летело быстро. Мне нравилось здесь жить. Я с удовольствием помогала в домашних заботах; выполняла разнообразную нетрудную работу, насколько позволяло мое деликатное положение. К тому времени у меня был уже большой живот, пошел седьмой месяц, как я понесла. Не буду описывать свое тогдашнее состояние, скажу только, что мне было безумно неудобно с этим животом, я чувствовала себя неповоротливой черепахой. У меня болела спина и отекали ноги.

Я стала раздражительной, и мне надоело черное платье, в котором я постоянно ходила.

Было уже довольно позднее время. Все обитатели дома давно спали. Я не могла уснуть. Мне мешал мой живот, и, кроме того, меня мучила жажда. Я не стала будить Анфису и решила сама сходить на кухню. Накинув халат поверх своей длинной ночной рубашки, я тихо вышла из своей комнаты и осторожно пошла по коридору к лестнице, ведущей вниз. Но в этот вечер не спала не только я. В это же время по коридору шла и Мария. Увидев меня, она как-то злорадно улыбнулась и поспешила ко мне навстречу. Я приняла вид «ледяной глыбы».

– А, Соня! Тоже не спится?! – улыбнулась Мария, но ее глаза впивались в меня, как когти.

– Неужели это так удивляет тебя. Женщинам в моем положении свойственна бессонница! – ответила ей я с такой же улыбкой. – А теперь извини, я собиралась на кухню.

– погоди! Я хочу тебе кое-что сказать! – Маша стала у меня поперек пути. – Сегодня я была у гадалки, знаешь, что она мне сказала? Я скоро выйду замуж!

– Поздравляю. – Я попыталась обойти ее, но она, протянув руки, остановила меня:

– Это еще не все. Ведьма сказала, что ты не сможешь иметь детей! – Маша злорадно смотрела на меня.

– Да, а это, по – твоему, что!? – усмехнулась я, указав на живот, и обойдя Марию, приблизилась к лестнице с невозмутимым видом. Однако ее слова очень на меня повлияли, на душе стало как-то нехорошо.

– Ты не сможешь иметь детей, Софья. Она так сказала. Тебя наказывает Бог за то, что ты так обошлась со мной. Но я не останусь старой девой. Гадалка мне сказала. – Голос Марии доносился из-за спины. Ее уже начинало трясти от гнева из-за того, что я вела себя равнодушно.

– Не будь дурой, сестрица. Я вижу, ты стала совсем ненормальной. – Сухо бросила я через плечо и, гордо вскинув голову, начала медленно спускаться вниз.

Лестница была огромной, поэтому я вела себя очень осторожно, спускаясь по ней.

– Ненавижу! – услышала я за спиной еле внятное яростное шипение и почувствовала толчок в плечо. Он был не сильный, но этого хватило для того, чтобы я потеряла равновесие и кубарем покатила вниз. Все произошло в доли секунды.

Я очутилась внизу. Все тело онемело, в животе я почувствовала резкую боль, от которой потемнело в глазах. Как будто издали я услышала дикий вопль Марии и стук ее удаляющихся каблучков. Похоже, она убежала. На крик сбежалась прислуга и поднялась паника. Я ничего не понимала. Только ощущала резкую боль и жар в животе.

Мое сознание постепенно угасло.

В себя я пришла на следующий день. Когда я открыла глаза, надо мной нависли встревоженные лица доктора и родных. Мне сообщили, что у меня случился выкидыш и мне нельзя двигаться, так как, я потеряла слишком крови и очень ослабла.

Это я ощущала и сама.

– Просто чудо, что вы остались живы, моя дорогая! – произнес заботливо доктор – человек пожилой, маленького роста с худыми руками и добрым лицом с глубоко посаженными глазами.

– Вы потеряли столько крови, что мы боялись, как бы вы нас не покинули. Пришлось сделать переливание. Но Господь справедлив, он помог вам выжить!

У меня не было сил даже пошевелить губами, чтобы ответить ему. Но он, положив свою сухую теплую ладонь на мои побелевшие руки, проговорил очень вкрадчиво:

– Моя милая Софья Николавна, скажите, что случилось с вами на лестнице? Вы оступились? Голова закружилась?

Я искала глазами Марию среди перепуганных лиц моих близких, но так и не найдя ее, слабо промолвила:

– Да, мне стало дурно, и я оступилась...

Заплаканное лицо матери подалось вперед:

– Ах, бедняжка, моя Софьюшка, ты чуть было не умерла...

– Мой ребенок? – мне с трудом дались эти слова.

Мать отрицательно покачала головой и залилась слезами.

– Ну, полно, полно! – проговорил с твердостью в голосе доктор. – Ей нужно отдыхать. Анна Михайловна, я дам вам травы, которыми нужно поить Софью Николавну... – с этими словами он вывел из комнаты мою мать и всех остальных.

Я закрыла глаза. Какое отвратительное ощущение – быть совершенно разбитой и бессильной. И всем этим я целиком была обязана Марии. В моей душе разгорелся огонь лютой ненависти к ней. Конечно, она совершила это в порыве ярости и потом, возможно, раскаялась в содеянном, судя по тому, как она истошно закричала, когда я покатила вниз по лестнице. Но мне от этого легче уже не стало бы. Она погубила мое дитя. Кроме того, я сама едва не умерла, мне было трудно даже открывать глаза.

В таком состоянии я провела две недели. Моя жизнь, можно сказать, висела на волоске. Я была очень слаба и не вставала с постели. Вокруг постоянно суетились заботливые лица родных и прислуги. Одна лишь Мария не заходила ко мне. Я подозревала, что она попросту боится. Было совершенно ясно, что мой недуг затягивается, и не исключается летальный исход, однако, благодаря Богу, а может кому другому, все пошло на лад.

Мое выздоровление шло, хоть и медленно, но все же состояние стало улучшаться. Силы постепенно стали возвращаться ко мне. Я сильно похудела, но на ногах себя держала. Уже в тот момент я приняла решение, что как только выздоровею окончательно – сразу же покину поместье и вернусь в Петербург, в наш с покойным Иваном дом.

Прошло два месяца, прежде чем я почувствовала себя достаточно сильной для переезда.

Мои вещи были уже собраны, а я в этот миг сидела у зеркала и смотрела на свое отражение. На меня глядела уже другая Софья. Я успела слегка поправиться, но взгляд был потухший, не было того жизнерадостного блеска; кожа стала бледной с желтоватым оттенком. В дверь моей комнаты постучались.

– Входите! – громко произнесла я и в комнату вошла Маша. Она тихо прикрыла за собой дверь, и, как бы в нерешительности потоптавшись на месте, медленно подошла ко мне. У меня не было ни малейшего желания с ней разговаривать, но факт ее появления здесь меня удивил, ведь она все это время старалась не оставаться со мной наедине. Голова Марии была опущена, она избегала смотреть мне в глаза, плечи ее были опущены.

– Софья, прежде чем ты уедешь, я хочу кое-что сказать... – проговорила она, не отрывая глаз от пола.

– Нам уже не о чем говорить. – Холодно бросила я, удивляясь, что во мне не вскипает ненависть. Я устала от всего, от жизни. И тут Маша меня совершенно обескуражила.

Она упала передо мной на колени и заголосила:

– Прости меня! Клянусь Господом Богом, я не хотела этого делать! Мой рассудок, словно сам Дьявол помутнил. Софья, я сгорю в аду, если ты меня не простишь! Я погубила жизнь ребенка!

Я совершенно ясно понимала, что это искреннее раскаяние. А еще унижение для нее.

– Поднимись, Маша. – монотонно пробормотала я, отводя взгляд в сторону.

– Ты меня простишь? – она впервые подняла на меня свои глаза, покрасневшие от слез.

– Нет. – Отрезала я. – Никогда. Но я не хочу расстраивать родителей. Не волнуйся, они ничего не узнают. Я сказала, что оступилась на лестнице. – Я поднялась и, собрав юбки своего черного платья, вышла из комнаты.

Мой отъезд, всполюшил всех обитателей поместья. Они по очереди целовали меня и уговаривали остаться еще чуть-чуть или приехать потом еще. Потом. Я так и пообещала. Но обещание в будущем все же не сдержала.

Глава VII

Возвращение в Петербург, в свой собственный дом было приятным. Особенно после длительного и утомительного переезда. За состояние дома я не волновалась, так как, все дела оставила на своего верного камердинера Бориса. Мой небольшой экипаж встретили слуги, что называется «с хлебом-солью». Повсюду была оживленная возня.

Едва я переступила порог дома, Борис сразу же мне помог снять шелковую накидку и принес холодной воды, за что я была ему весьма благодарна. По ходу моих переодеваний мне сообщили, что ее величество императрица присылала два приглашения во дворец, где выражала крайнюю озабоченность тем, что я совсем не появляюсь там. «*Более чем за полгода два приглашения! Не больно-то они обо мне думают!*» – усмехнулась тогда я, перебирая сидя возле камина, два красивых свитка бумаги. Естественно, я их тотчас же сожгла. Глядя на потрескивающие в камине дрова, я решила для себя – нужно *начинать жизнь сначала*, с чистого листа. Осталось доносить траур по Ивану последние два месяца. Снять это проклятое черное платье.

Так, глядя на плавно полыхающее пламя в камине и размышляя над своим будущим, я уснула. А утро следующего дня принесло ко мне гостя. То был Степан Лисицын, мой старый друг. Я сидела в саду и, попивая свой утренний чай, любовалась дивными фруктами, что произрастали на деревьях, как вдруг, мой покой нарушил своим внезапным появлением Степан.

– Но, мой Бог! Голубушка, почему же вы не предупредили меня, что приехали?! – он проговорил эту фразу скороговоркой, а поскольку в саду была тишина, я даже вздрогнула от неожиданности

– Степан, вы!

– О, душа моя, я не хотел вас напугать! Но, признаться, я зол на вас. – Он бесшумно подошел ко мне и легонько поцеловал кончики моих пальцев.

– Мой друг, но я приехала только вчера. И, к тому же, я должна на вас злиться, ведь вы ни разу не побеспокоили меня своим визитом. – Я сделала обиженное лицо, но слова произносила шутливым тоном. Я была рада Степану. Однако он воспринял эти жеманные жесты за правду.

– Мой Бог!!! – с чувством воскликнул он и виновато продолжил, – Да вы даже не сообщили, куда едете! Я места себе все это время не находил! – он широко раскрыл свои прекрасные серые глаза.

– Да, и находили утешение с какими-нибудь прелестницами! – шутливо хихикнула я и прикрыла губы веером.

Адъютант кокетливо опустил глаза и, широко взмахнув рукой, вздохнул:

– Но лишь вы были в моем сердце!

В ходе нашей беседы Лисицын рассказал мне, как обстоят дела в императорском дворе; что Елизавета была расстроена тем, что я не появляюсь у нее; какие интриги строят придворные; оказалось. Что против Петра зреет заговор и затевают его приближенные Елизаветы Петровны. Еще я узнала, что графиня Елизавета Воронцова – любовница Петра III и его законная жена Екатерина Алексеевна знает. Все эти сведения мне были нужны, чтобы чувствовать себя в курсе событий, а Степан просто кладезь сплетен. С адъютантом мы просидели довольно долго. Приближался обеденный час.

– Не желаете у меня отобедать? – предложила я.

– Нет, Софушка, мне нужно ехать в Зимний дворец. Я и так оттуда к вам сбежал! – Степан поднялся, поцеловал мою руку и грациозно надел свою красивую шляпу с соболиным хвостом. – Но, я надеюсь, что ваше предложение будет оставаться в силе до следующего раза!?

Я улыбнулась ему, когда он уже собирался уходить, Лисицын, вдруг повернувшись ко мне, глубокомысленно проговорил:

– Вам, моя прелестница, все-таки следует навестить императрицу и извиниться за столь продолжительное отсутствие.

– Я непременно сделаю это! – отозвалась я и Степан, одарив меня своей белозубой красивой улыбкой, ушел. Навестить государыню я собиралась и без подсказки Степана. Я весь вечер прокручивала в голове слова, которые буду говорить королю.

Свой визит во дворец я собиралась нанести следующим утром. Я проснулась довольно рано и переполошила всех слуг в доме. Я узнала расписание дня ее величества, никакие обстоятельства не могли его изменить.

Хотя был довольно ранний час, я все же хотела успеть прибыть в Зимний дворец раньше, императрица отправится в церковь. Слуги бегали по дому, собирая мой утренний туалет. Мои фрейлины: Серафима и Ульяна зашнуровывали на мне тугий корсет, в котором было сложно даже дышать. Поскольку срок траура еще не истек, я выбрала черное шелковое платье – самое роскошное, если так можно выразиться. Фрейлины надевали на меня огромные юбки платья и сделали мне замысловатую прическу, хотя я была в трауре, но надеялась предстать перед императрицей в высшем свете. Пока я собиралась, мои лакеи приготовили карету, и как только я вышла из особняка и села в карету, мой экипаж сразу же стремительно направился в сторону дворца.

Зимний представлял собой прекрасный дворец, со своеобразной архитектурой, балконами из кованого железа, высокими, выложенными мозаикой калитками. Архитектурные украшения, вазы – все было позолочено и переливалось перламутром. Новая черепица отражала по краям свет, а главные линии облицовки, казалось, таяли в небесной лазури. Что ни говори – чудесное сооружение!

Мой экипаж подъехал к воротам дворца, и, пропустив каких-то важных вельможей, последовал за ними. Когда карета остановилась, я тихонько вышла из нее и по ступенькам направилась в мраморный двор. Я вошла во дворец через дверь левого крыла, где приходившие и уходившие казались более многочисленными, а мне хотелось остаться незамеченной. Большая лестница из цветного мрамора привела меня в большой зал, именуемый Гвардейским. Каждый понедельник сюда обычно приходили посетители с различными просьбами к государыне и оставляли свои прошения, те, кому повезло, вскоре получали ответ. «*Так, мне не сюда*» – подумала я и направилась к другой двери, выходящей на широкий балкон под которым простиралась еще не тронутая палящими лучами солнца зелень. Вдохнув свежий воздух, я направилась к галерее. Тут я заметила, что с другой стороны галереи навстречу мне идет группа богато одетых людей. «*Проклятье!*» – выругалась я и поправила свой туалет. Мне крайне не хотелось, чтобы меня видели в черном платье. Но этого уже было не избежать. Я раскрыла веер и, прикрыв им нижнюю часть лица, быстро пошла вперед. Шумная толпа придворных приближалась, и я слышала их разговоры.

– Императрица еще не вышла из своей спальни.

– Она, наверное, еще одевается, а затем отправится к себе в кабинет.

– Надеюсь, мы последуем вместе с государыней и в часовню?!

Дальше я не стала их слушать, что было нужно, я уже услышала.

Несколько человек из пестрой толпы удивленно посмотрели на меня и сразу же вернулись к своей беседе. Я облегченно вздохнула и направилась в сторону спальни. Навстречу мне выскочил один из придворных – молодой и довольно симпатичный человек, изящно одетый, в светлом парике с завитыми по моде волосами, стянутыми сзади в хвост.

– Простите, сударь, могу я поговорить с государыней? – обратилась я к нему, когда он проходил мимо меня, стуча каблуками туфель.

Молодой человек смерил меня любопытным взглядом светлых глаз и произнес:

– Елизавета Петровна только что направилась к себе в кабинет, если вам повезет, она вас примет. – Но, увидев мое огорченное лицо, он проговорил. – Возможно, я смогу вам помочь, мадам.

– О, я была бы вам весьма признательна.

– Как вас представить ее величеству? – спросил меня придворный, когда мы шли по направлению к личному кабинету императрицы.

– Софья Николаевна Спиридова, вдова покойного капитана Спиридова.

Минуту юноша смотрел на меня с удивлением, а потом проговорил:

– О, это вы! Ждите меня здесь. – Он постучал в огромные резные дубовые двери, шикарно отделанные позолотой, и когда они отворились, скрылся за ними. Я торопливо поправила прическу и платье, пощипала щеки, чтобы на них появился румянец, и покусала губы, чтобы они порозовели. Дверь открылась, и мой юный проводник, высунувшись из дверного проема, произнес:

– Софья Николаевна, императрица вас примет. – Он махнул мне рукой, приглашая войти, и я торопливо последовала его приглашению.

Кабинет оказался намного меньше, чем я думала, хотя и представлял собой огромное пространство с богатой мебелью и гобеленами, а так же огромным камином. Надо признаться, выглядел он достаточно уютно. От волнения, овладевшего мной, я сразу не могла узнать всех присутствующих и не как не могла отыскать среди них Елизавету.

– Оставьте нас на минутку с Софьей Николавной. – послышался властный голос императрицы, от которого у меня подогнулись ноги. «*Спокойно*, – приказала я себе, – *спокойно*. Ты должна выглядеть достойно».

Придворные и слуги поспешили покинуть кабинет. Дверь захлопнулась, и я почувствовала спазмы в желудке от волнения. Мы с императрицей остались наедине.

Я вздернула подбородок, стараясь успокоиться, и теперь различала одинокий силуэт государыни у окна. Она была невысокого роста с весьма выразительным лицом. Великолепный белый парик с завитыми локонами, обрамлял ее полное лицо, одежда поражала величиим. Императрица играла своим расписным веером, расшитым золотыми нитями, пришедшим в моду из Франции. Ее умные серые глаза изучающе смотрели на меня. Я присела в реверансе, а мой мозг перебирал фразы, с которых можно было бы начать. Но императрица меня опередила.

– Софья Николавна, наконец-таки вы посетили нас. Но, голубушка, почему же вы не отвечали на мои приглашения? – ее прямота немного сбила меня с толку.

– Государыня, я как раз приехала просить прощения по этому поводу, – немного рассеяно проговорила я, – у меня были серьезные причины на то.

На лице Елизаветы появилось любопытство. Она, играя своим веером, подошла к письменному столу и, отодвинув высокий стул, напоминавший трон, села на него, положив на стол перед собой веер.

– И что за причины заставили вас прятаться от императрицы?!

– Ваше величество, я вовсе не пряталась! – оскорблено воскликнула я и сразу же осеклась, вспомнив, с кем разговариваю. – Ох, смерть моего мужа совсем выбила меня из колеи, ну и еще кое-какое обстоятельство вынудило меня уехать из Петербурга, к своим родителям.

Елизавета внимательно смотрела на меня, ее лицо напоминало каменное изваяние, а голос – лед:

– Какое обстоятельство? Вы меня пугаете. Или вы не можете мне довериться?

– Нет, ваше величество, доверяю, – отпрянула я, – просто...

– Говорите, я хочу знать

Мне не хотелось посвящать ее в свои проблемы. «*Чертво любопытство!*» – подумалось мне.

– Просто, я ждала ребенка, поэтому уехала в поместье родителей, но, к несчастью, случился выкидыш. Я едва не умерла. Все это время я лечилась там... – мой тон был почти вызывающим, подбородок вздернут, в глазах наверняка огонь. Но изменившееся лицо Елизаветы заставило меня остыть. На нем появилось сочувствие.

– Мне очень жаль и вашего покойного мужа и его не родившегося ребенка. – мягким голосом произнесла императрица. – Иван Григорьевич принял достойную смерть. И вы прилежно носите траур. Но мне больно видеть вас в ужасном черном платье, оно вам совершенно не идет. Вы ведь так молоды... – в ее голосе стало еще больше теплоты. – Софья Николавна, не скрывайте от меня ничего, и если вам понадобится помощь – вы в праве за ней обратиться прямо ко мне.

– Благодарю – я присела в реверансе и собралась выходить, как императрица вновь произнесла:

– Ах, да! Сегодня в вечерний час во дворце бал, мне хотелось бы видеть вас в числе присутствующих.

– Конечно. – Я вновь поклонилась и, наградив ее самой милой улыбкой, на какую была способна, удалилась.

К этому вечеру я решила подготовиться основательно. Прежде чем начинать приготовления к балу, я приняла горячую ванную с молоком и медом, совсем как Клеопатра в свое время. Потом я натерла тело душистыми эссенциями, а затем сдалась на милость моих искусных фрейлин. Девушки, несмотря на свою молодость, были очень умелыми. Они уложили мои волосы наверх в виде «гнезда» и покрыли волосы легкой черной вуалью. Макияжа было использовано совсем немного: мне слегка подкрасили сурьмой ресницы, а губы – специальной смесью, какую могла делать только Серафима, от которой губы становились удивительно мягкими и розовыми. В одежде выбора не было – в любом случае я надела бы черное платье. Только на этот раз бархатное. Из украшений я выбрала скромное кольцо и серьги из темно-синих аквамарин. Они приятно гармонировали с моим темно – синим бархатным плащом, сцеплявшимся на шее тонкой серебряной цепочкой. Когда мой туалет был окончен, я взглянула в зеркало: черный цвет делал меня старше и намного стройнее, лицо умело подкрашено. Я была довольна собой. В довершение своего образа, я приклеила маленькую мушку в уголок рта, что соответствовало тогдашней моде, натянула на руки черные лайковые перчатки и взяла расписной китайский веер.

Несколько томительных часов и я уже находилась на пути в Зимний дворец. Моя карета внутри была отделана бархатом, но окна опускались занавеси с бахромой, скрывающие меня от посторонних взглядов. Колеса экипажа были позолочены, дверцы кареты украшали фамильный герб Спиридовых, а две красивые черные лошади, украшенные красными султанами, дополняли сей величественный ансамбль.

Мне казалось, что путешествие не кончится никогда. Дорога была ужасная, испещренная глубокими колеями. В такие минуты я ругалась, на чем свет стоит. Но уже через некоторое время, мы подъехали к воротам дворца. Двор был заполнен экипажами гостей, прибывавших на бал снова и снова. Я быстро прошла по мраморному двору, и поспешила в вестибюль дворца, где уже собирались разнаряженные придворные. Я попыталась отыскать хотя бы одно знакомое лицо, но от волнения у меня все плыло в глазах. Неожиданно, кто-то схватил меня за запястье, и резко обернувшись, я увидела великолепно одетого Степана Лисицына. Он широко улыбнулся и, поклонившись, поцеловал мою руку:

– О, моя Софи, счастлив, видеть вас здесь! Позвольте мне сопровождать вас сегодня. Для меня это была бы большая честь.

– Разве я могу отказать вам. Мне будет приятно провести вечер в обществе обольстительного Дон Жуана! – улыбнувшись, ответила я, взяла его под руку и мы пошли вдоль рядов блистательных придворных, которые с любопытством смотрели на меня. Здесь были и генерал –

фельдмаршал Петр Александрович Румянцев с женой графиней Марией Румянцевой, и генерал – анкер Василий Михайлович Долгоруков – Крымский, и граф Шереметьев с женой, и граф Воронцов вместе с Елизаветой Романовной, и князь Михаил Иванович Дашков с женой Екатериной Романовной, князь Никита Иванович Панин и многие другие известные люди. Я учтиво здоровалась со всеми и тихонько смеялась над шутками Степана, которые он нашептывал мне на ухо. Честно говоря, придворное общество Елизаветы Петровны состояло по большей части из красивых и умных мужчин и женщин. Императрица хотела окружить себя таковыми людьми, хотя некоторых из них умными назвать было все же сложно. Однако, красивая внешность вовсе не означала идеальность этого общества, как и везде, придворные плели интриги, распускали друг о друге слухи, изменяли мужьям и женам, за каждым водились свои грешки.

Начался бал и все гости пошли в зал танцевать. Но мне в своем черном платье не хотелось танцевать. Со всех сторон меня окружали дамы и кавалеры, учтиво улыбались и восхищались моей красотой.

– Степан, мне не хочется танцевать сегодня, – проговорила я, когда он протянул мне руку, чтобы увлечь в ряды танцующих.

– О, тогда мы могли бы прогуляться по дворцу! – весело воскликнул он и, взяв меня под руку, повел по галереям.

– Ma chérie, – флигель-адъютант повернул ко мне свое молодое лицо, в глазах его сверкали задорные искорки, – хочу вам кое-что показать! За время вашего отсутствия здесь кое-что изменилось, государыня все время перестраивает дворец. – Он вел меня в сад.

– Ну, как? – спросил он, когда мы дошли.

Великолепие сада меня поразило. Я думала, что попала в рай. На возвышенности находился бассейн, а рядом стояли мраморные античные статуи. Цветочные клумбы простирались почти до самого горизонта. Фонарики, висевшие на аккуратно подстриженных деревьях, освещали ночной сад. Воздух был легким и неподвижным, наполненным ароматом цветов и зелени.

– Давайте присядем вон там, – Степан указал на возвышенность рядом с фонтаном.

Мы добрались до скамеек и устроились на них. В саду почти никого не было, лишь кое-где бродили парочки. Легкий ветерок ласкал мне волосы, слышалось тихое журчание фонтанов.

– Прекрасное место! – вдохнул воздух Степан, – Такое ощущение, что это отдельный мир. Здесь приятно находиться в уединении. Не так ли, Софи?

Я не ответила. Вдохнув свежий воздух, я лишь улыбнулась. Степан придвинулся ко мне поближе. Я уже знала, что должно было произойти прежде, чем он заговорил.

– Софья. – он, преданно заглядывая мне в глаза, взял обеими руками мою руку и поднес к своим теплым губам. Я не стала противиться. Меня распирало любопытство испытать этого повесу. Коварный дьявол – заманил меня в сад и лепечет сладкие речи. – Mon dieu, – повторил он и заговорил немного хриплым голосом, который красноречиво говорил о многом, – о, моя душа! Знали бы вы, как я вас обожаю! Ваше прелестное личико сводит меня с ума.

Я с интересом наблюдала за ним.

– Вы просто не имеете права заворачивать себя в это ужасное платье и прятать ото всех свои прелести, – он придвинулся еще ближе, и я уже ощущала его горячее дыхание на плече, рука его уже скользила по моему колену, сквозь платье.

– Сжальтесь надо мной, дорогая, подарите мне хотя бы поцелуй! – Степан склонился ко мне, но я успела прикрыть свое лицо веером, что и помешало поцелую.

– Степа, – проговорила я, поднимаясь со скамьи и расправляя платье, – проводите меня во дворец, здесь становится прохладно.

– Моя душа, – он, как ни в чем не бывало, подскочил со скамейки и, поправив перевязь на камзоле, продолжил, – я провожу вас в игральный зал.

Игральный зал представлял собой место, где играли в карты. Это было богатое помещение с красивой мебелью и великолепными гобеленами, висевшими на огромных окнах. Когда

мы вошли, зал уже был заполнен. За столами сидели игроки с картами в руках, вокруг них собрались толпы зрителей. Лакеи сновали повсюду с блюдами, полными еды. Мы со Степаном прошли вокруг столов, рассматривая и игроков и зрителей. Всех неизвестных мне людей Степан называл по имени и рассказывал мне их краткие биографии. Мое внимание привлек молодой человек, сидящий за одним из столов с игроками.

Я видела много ярких мужчин, но этот совершенно потряс меня. Он был высокого роста, на выразительном лице темно-карие глаза, обрамленные длинными, густыми ресницами. Такого же цвета были его брови и короткие волосы, которые, видимо, от природы были волнистыми. Кожа его была смуглого цвета из-за чудесного загара, контрастирующего с белым воротником сорочки. Незнакомец что-то сказал одной из играющих с ним дам, наградив всех белоснежной улыбкой, резко выделяющейся на его загорелом лице. На нем был надет великолепный бледно-голубой атласный камзол с вышитыми золотом птицами и цветами и темнее оттенком бриджи, заправленные в высокие сапоги.

– Кто это? – спросила я, не сводя с незнакомца взгляд.

– Это граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Фельдмаршал Измайловского полка, пользуется всеобщей любовью; беспечен, очень богат, имеет все чины и ордена, ненавидит какую бы то ни было деятельность. Гетман Малороссии. – Степан говорил все это непринужденно и уже смотрел в другую сторону. К счастью, он не заметил моего интереса к этому человеку.

– Степочка, а расскажите-ка мне об этом Кирилле Григорьевиче. – Попросила я, когда мы отошли от стола, где сидел этот красавец.

– Ну, что я могу сказать, – Степан остановил лакея, проходившего мимо с подносом в руках и, стянув с подноса кусочек замысловатого угощения, продолжил, – ну это человек дела, он честолобив, образован. Но, сказать по правде, – Степан аккуратно облизал пальцы после аппетитазера, – сказать по правде, он не очень-то любит женщин.

– В каком смысле? – воскликнула я и уже почувствовала разочарование. Неужели такой красавец придерживается «любви по-итальянски»?!

Степан взял с подноса бокал вина и, пригубив немного, продолжил:

– В смысле, я никогда не слышал, чтобы его заметили с какой-нибудь дамой. Ни одного любовного приключения, ни одного мужа-рогоносца на счету. Личная жизнь за семью печатями. Одна придворная дама говорила, что графа невозможно очаровать. Но лично я считаю оставаться равнодушным к женским чарам – преступление.

Перед тем как уехать домой, я виделась с императрицей и даже поговорила с ней. От этого бала у меня осталось масса впечатлений.

С этого момента я начала постоянно посещать балы. Жизнь вернулась уже в привычное русло. Я была по-прежнему придворной дамой. Мне нравилось развлекаться с поклонниками, я была даже не прочь завести любовника, но серьезных отношений я не хотела. Мужчинам я никогда не доверяла, впрочем, как и женщинам. Моим главным поклонником был по-прежнему Степан, он не терял надежды стать фаворитом. Но мои мысли стал невольно занимать тот самый Разумовский.

Я старалась чаще бывать там, где бывал он. Я выяснила, что граф превосходный игрок в карты и часто играет в Игральном зале, где бывала и я. Правда, мой черный наряд сильно угнетал меня. Я ждала истечения срока траура, чтобы предстать перед всеми во всей красе. Нужно сказать, что, сколько я не ходила возле графа – он не обращал на меня особого внимания. На мой взгляд, виной тому был траурный наряд.

Однажды я, все-таки, добилась, чтобы меня представили Разумовскому. Он почтительно поклонился и внимательно посмотрел на меня. Было ощущение, что его карие теплые глаза смеялись надо мной, видя насквозь в мои мысли. Меня тогда это задело, и я поставила себе целью покорить этого красавца. Несколько раз мне удавалось сыграть с Кириллом и остальными партию в карты. И всю партию граф бросал в мою сторону довольно безобидные иронич-

ные шуточки, которые, однако, выводили меня из себя. Оскорбляло меня и его «сударыня» – абсолютно незлобное обращение к даме, применяемое постоянно ко мне. Но два месяца траура пролетели.

Глава VIII

Императрица собирала на ужин в Зимнем дворце придворное общество. Быть приглашенным на такую трапезу было большой честью, и я была среди приглашенных. На этот ужин я собралась со всей ответственностью, начиная от блистательного наряда и прически, и заканчивая макияжем и украшениями. Ужин был самым наискучнейшим, на мой взгляд, действием. Показные улыбки, похвалы, лестные речи в адрес ее величества. Все знали, чем задобрить Елизавету и как добиться ее расположения. Когда ужин был окончен, гостей созвали в игровой зал, а после должен был состояться бал.

В комнате, где стояло четыре карточных стола, толпилось много народа; стоял небольшой гул голосов, слышались жеманные дамские смешки, карточные термины да позвякивание монет. Распровавшись с дамами, я направилась к одному из столов, где сидел граф Разумовский, сегодня я намеривалась сыграть партию. Несмотря на столь юный возраст, у меня был полный арсенал «зубов и когтей», да и выглядела ослепительно. В себе я была уверена. Мило улыбаясь сидящим за столом игрокам, я проговорила:

– Господа, могу я составить вам компанию?

– О, прелестная Софья Николаевна, конечно! – отозвался князь Курагин, помогая мне сесть. Кирилл лишь сверкнул белоснежной улыбкой:

– Во что вы желаете сыграть, сударыня?

– Я предлагаю в «***» – произнесла я, начиная раздавать карты.

– Чудесно! Сегодня игра будет захватывающей! – взбодрился князь Репнин.

Игра была действительно интересной. В зависимости от ставок игра могла продолжаться три-четыре часа. Играли несколько человек и играли по-крупному. Первый круг выбивал неимущих. Игра была в самом разгаре, и я намеренно завязала партию с графом Разумовским, князем Курагиным и князем Репниным. Уже несколько минут я вела игру и была в выигрыше.

– Сегодня вам, несомненно, везет, прелестная мадам. – Заметил князь Курагин с гримасой досады на лице. – Я никогда не видел, чтобы игрок так долго держался.

– Сегодня я не собираюсь сдаваться. – Хихикнула я, перебивая карты князя.

– Не забудьте, сударыня, что если вы проиграете, вы должны будете заплатить всем выигравшим то, что вы выиграли. Скоро время остановится. У вас будет право выбора – проговорил Разумовский, со свойственной ему усмешкой. Похоже, он вежливо насмеялся над всеми дамами.

– Не волнуйтесь за меня. Я продолжаю игру, – спокойно ответила я, раздавая карты.

Курагин вздохнул, он много проиграл и был вынужден покинуть стол. А я продолжала игру. Со всех сторон меня окружила толпа зрителей. Через некоторое время из игры выбыл и Репнин. За карточным столом осталась только я и Разумовский.

– Осторожно, вы можете остаться в проигрыше, – лукаво улыбнувшись, предупредил меня Кирилл.

Что ни говори – он был отличным игроком. Но у меня был маленький секрет. Еще в детстве, один заезжий путник, гостивший у родителей, научил меня шарлатанству в картах, и я знала все приемы «картежного блефа». Кто-то заметил, что сейчас будет право ставки. Это было кульминацией в «***». Я, довольная собой, спросила намеренно:

– В чем заключается итог игры «***»?

– Сейчас, мадам, каждый из игроков ставит, что хочет, – объяснил кто-то из толпы.

– Хорошо, – выдохнула я, мое сердце билось как у загнанного зайца и то, что я сказала, не должно было срываться с моих губ. Но я уже все решила для себя, – если я выиграю, то вы женитесь на мне и объявите о нашей свадьбе сегодня же!

Все обернулись в сторону Кирилла. Его лицо было спокойным, лукаво улыбаясь, он проговорил:

– Я принимаю ваши условия, сударыня. Но, если выиграю я, то вам придется станцевать на столе в трактире *** какой-нибудь превеселенький танец!

Это было неслыханно унизительно для знатной дамы. Меня это разозлило, но виду я не подала.

– Я станцую «пастуший танец» – спокойно произнесла я и раздала карты.

Мне попались самые плохие, но благодаря быстроте рук я вытащила из колоды два туза и короля. Проще говоря – сжульничала. Но это уже было дело чести, ни в каких трактирах я танцевать вовсе не собиралась. Если бы я этого не сделала, то проиграла бы наверняка.

– Открываемся, граф! – один миг и мы оба положили все карты на стол. В зале стояла тишина, вокруг толпились любопытные лица. Раздался дружный вздох удивления.

Кирилл, грациозно поднявшись со стула и поклонившись мне, произнес насмешливо:

– Ну что ж, вы выиграли!

Глава IX

– О, ma cherie! Вы меня убиваете! – воскликнул обескураженный Степан Лисицын, когда узнал об этой игре. – А если бы вы проиграли? Mon Dieu! Заявить на весь Зимний о свадьбе с графом Разумовским! – он театрально плюхнулся в кресло, откинув руку. – Вы сущий дьявол!

Но эта новость потрясла и придворное общество. Всюду только и шептались о том, что граф сдался в плен женской красоты. Так я стала графиней Разумовской и, по сути, остаюсь ею, и по сей день.

Я жила в прекрасном особняке с богатейшей мебелью, гобеленами, картинами – у графа был великолепный вкус, благодаря которому он обставил свой дом. Вокруг был замечательный сад с множеством цветов и фруктовых деревьев. Вместе со мной переехали мои фрейлины, Анфиса и Борис. Казалось, что еще нужно для счастья. Есть все. Кроме любви графа. Он был ко мне равнодушен. Во всяком случае, я этой любви не замечала в нем. Он дарил мне восхитительные наряды и украшения, но при этом, никогда не проявлял ко мне никакого интереса, как к женщине. Он по-прежнему называл меня «сударыней» и иронизировал в общении со мной. А общаться нам случалось только за ужином, все остальное время Кирилл посвящал службе императрице, да и общение наше имело довольно формальный характер.

Граф держался со мной отстраненно. Выходя за него замуж, я, конечно, на другое рассчитывала. Я чувствовала его неравнодушие ко мне и надеялась сделать все, чтобы граф, наконец, то открыл мне все чувства. Но он оказался крепким орешком. Это самое равнодушие к моей персоне меня крайне задевало за самое живое, ведь мой первый муж меня практически боготворил. И я, конечно, как и в случае с Иваном, решила, было взять бразды правления в свои руки. Но Кирилл весьма интеллигентно дал мне понять, что хозяин в доме он, и что последнее, решающее слово будет в любом случае за ним. Это обстоятельство было для меня непривычным, потому что я привыкла в свое время командовать Иваном. Но Спиридов был очень молод и, к тому же с мягким характером. А граф Разумовский и опытнее, и умнее. Сам Кирилл о себе не любил рассказывать, но я все равно узнала, что ему тридцать лет и родился он в Новгороде. А еще он был красив и умен, что мог вводить в заблуждение и неведение даже меня. И он намеренно относился ко мне с равнодушием. Но окружающие ни о чем не догадывались.

Как-то за ужином я спросила графа, почему он так неблагоприятен к женщинам и он мне ответил:

– Женщины – неверные по своей природе существа. Их очень легко подкупить. Вот вы, к примеру, когда получаете новый наряд или украшение прыгаете от радости, как ребенок. Глаза блестят, лицо светится. Так же себя ведут и остальные дамы. Не составит никакого труда заполучить женщину такими хитростями, если делать все грамотно. А, значит, и доверять даме особо не стоит.

– Неужели нет такой дамы, какую вы уважаете? – вспыхнула я тогда, а Кирилл преспокойно ответил:

– Почему же, есть. В первую очередь, я ценю в женщинах ум и проницательность. И, должен признать, вас, сударыня, я уважаю за весьма проницательный ум!

«Значит, он меня уважает. Ну что ж, это лучше, чем ничего» – решила я тогда, хотя и была крайне раздражена таким отношением.

Обо всех своих бедах я забывала, когда мы с графом под руку шли по паркетному полу дворца и ловили на себе восхищенные и вместе с тем завистливые взоры. Мы были блестящей парой. И мое тщеславие ликовало от осознания того, что именно со мной рядом находится этот умный и красивый мужчина, о котором грезят многие дамы. Некоторые из барышень любопытствовали у меня даже насчет пристрастий Кирилла, а именно – женщин ли он предпочитает. Я громко смеялась от подобных вопросов и говорила, что Кирилл самый обыкновенный мужчина, абсолютно нормальный в предпочтениях. Хотя меня и саму не раз посещали подозрения на этот счет, ведь брачной ночи не было, мы даже спали в разных спальнях. И самое странное, граф не пытался это как-то исправить.

Однако, не смотря на это, жить с ним было спокойно и приятно, что называется, как за каменной стеной. Правда меня стала мучить непонятная тревога, когда я оставалась одна. А началось это после того, как я однажды возвращалась из Собора Святого Павла.

Как и любая другая благородная дама, я обязана была по воскресеньям раздавать в церкви еду беднякам. В тот осенний вечер я задержалась в Соборе, чтобы поставить свечи за спасение душ прокаженных. Было уже довольно позднее время, моросил мелкий дождик, по серым и холодным улицам «гулял» холодный ветер. Я решила отправиться домой пешком, не вызывая экипаж. Иногда мне нравились такие променады. Поскольку на улице было опасно бродить в одиночестве вечером, а я, к тому же, боялась темноты, я шла быстрым шагом. Ветер безжалостно трепал, мокрые от грязи, полы моего плаща и тяжелые юбки платья, неприятная морось била по лицу. Я накинула на голову капюшон и вдруг почувствовала, что меня преследуют. Я торопливо оглянулась через спину, но ни кого не увидев, ускорила шаг.

Чувство тревоги не покидало меня, казалось, что за мной наблюдают. Разные мрачные мысли, дурные предчувствия стали лезть в мою голову и, не обращая внимания на промокшие заледеневшие пальцы ног, буквально бросилась бежать по грязным лужам, непонятно от кого. Трижды я прокляла свое решение отправиться домой самостоятельно.

Успокоилась я лишь, когда очутилась дома, возле камина, с чашкой горячего чая в руке, но это странное чувство – что за тобой наблюдают, не исчезало. Вплоть до того, что превратилось в фобию – я боялась оставаться одна, правда только вечером, так как чувство, что за мной следят, появлялось с наступлением темноты. Сейчас я понимаю, что ничего удивительного в этом не было.

Глава X

Как я говорила, моя жизнь в доме Разумовского была вполне спокойной. Граф был превосходнейшим собеседником, и мне очень нравилось говорить с ним на разные темы, да и к тому же я тайком любовалась его красотой, хотя из гордости не подавала вида. Он по-прежнему держался со мной отстраненно, и я, чтобы обратить его внимание на себя, стала совершать, совершенно не свойственные мне поступки.

Проще говоря, то, что граф мне запрещал делать, я делала намеренно. Нарушала его запреты. Это, конечно, выводило его из себя, и он восклицал: «За что небеса послали мне такое наказание в обличие этого милого существа!», но достоинства не терял и скандалов не устраивал.

В наш славный Петербург прибыл из Англии какой-то знаменитый протестанец со своими помощниками, вызвав к себе широкий интерес, как императрицы, так и остального народа. Великий привез с собой мощи, как он утверждал, самого Христа! Весь двор был в приятном оживлении. Степан имел неосторожность проболтаться мне, что протестантские проповедники остановились здесь совсем ненадолго, и что они сказали императрице, что хотят познакомиться нас с великой святыней. Конечно, ближайшее приобщение было возможно для самых состоятельных людей со всего света, нищие довольствовались лишь тем, что могли со стороны взглянуть на мощи. Меня это заинтересовало, и я немедля рассказала об этом Кириллу. Он рассмеялся, назвав это «шарлатанством чистой воды» и добавил, что Иисуса Христа там уж точно не будет и в помине!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.